

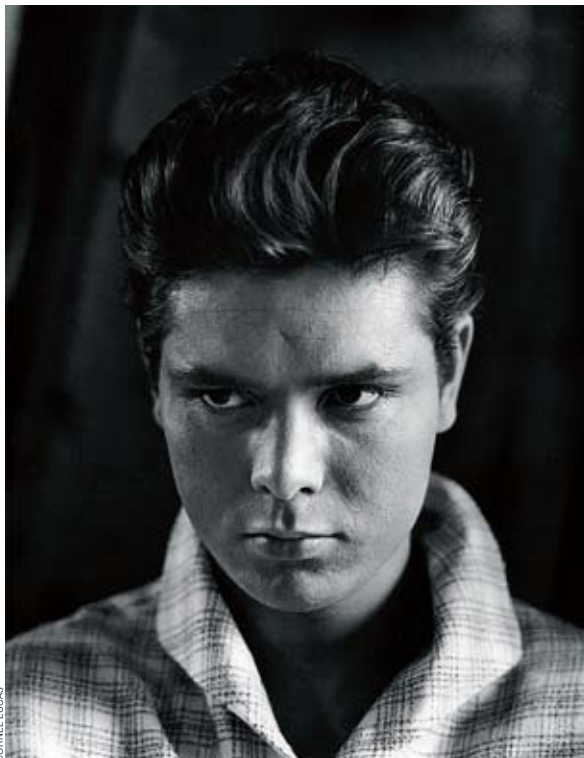
Christine Keeler, 1963,
by Lewis Morley

The Beatles, «Yesterday And Today»,
by Robert Whitaker

Reginald (Reggie) Kray,
Ronald (Ronnie) Kray, 1965,
by David Bailey

Cliff Richard, 1960,
by Cornel Lucas

Sir Michael Philip (Mick) Jagger, 1964,
by David Bailey

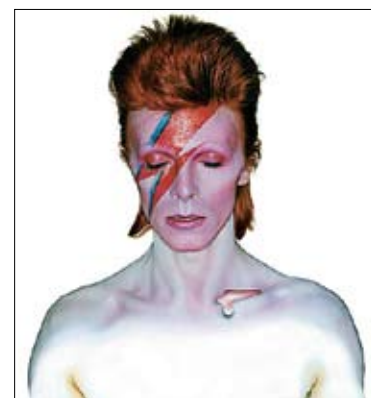
The Who, 1966,
by Colin Jones

Pink Floyd, 1967,
by Vic Singh

The Kinks, 1968,
by Peter Rand

David Bowie as Aladdin Sane, 1973,
by Brian Duffy

И это при том, что еще в 1960 году архетипом поп-звезды был набриолиненный Клифф Ричард, который на портрете Корнела Лукаса, открывающем выставку, конечно, немного косил под надутого Джеймса Дина, но в целом казался аккуратным мальчиком.

В отличие от Лос-Анджелеса, Милана или Парижа здесь не говорили о политике и не строили баррикады. Не жгли государственный флаг, как американские пацифисты, а рисовали на лицах «Юнион Джек», как Джон Леннон на фотографии Уайтейкера. Самым политически активным, да и то в прошлом, среди создателей образа свингующего города был Дезо Хоффманн, объявленный Полом Маккартни лучшим фотографом на земле. В 1936 году, отправившись в Испанию снимать рабочую Олимпиаду, он сражался с франкистами, был несколько раз ранен, неразлучен с Эрнстом Хэмингуэем и Робертом Капа. Но в историю вошел как автор сенсационного репортажа (1962), сделанного им в Ливерпуле о еще не ставшей популярнее, чем Иисус Христос, группе.

В годы войны летчик Хоффманн защищал небо Лондона, а на земле под бомбами играли в прятки в разрушенных домах будущие рок-звезды, для которых война была прежде всего приключением, свободой от родительской опеки. Кстати, именно на фоне еще не разобранных руин Теренс Донован будет снимать манекенщиц. Можно сказать, что битву за Англию выиграло именно поколение Джона Леннона, сполна компенсировавшее себе детские невзгоды. Лондон 1960-х годов напрямую наследовал Риму эпохи dolce vita 1950-х годов. Визитная карточка римского праздника жизни — фильм Федерико Феллини. Свингующий Лондон отразился в зеркале фильма Микеланджело Антониони «Blowup» (1965).

Символично, что его героем, символом эпохи стал именно фотограф. А прототипом скучающего и эгоистичного героя Дэвида Хэммингса был Бейли, которого годы спустя журнал Rolling Stone назовет крестным отцом стиля cool. В 1965 году он как раз женился на Катрин Денев. В те годы самые громкие браки вообще заключались не на небесах, а в Лондоне. Здесь Роман По-

лански влюбился в Шэрон Тэйт, будущую жертву банды Мэнсона. Юная Джейн Биркин, еще не повстречавшая Сержа Гейнсбурга, вышла замуж за Джона Барри, автора одиннадцати саундтреков к фильмам бондианы. Бейли входил в легендарную «ужасную», или «черную», троицу. Так газетчики прозвали его, Даффи и Донована, собравшего за свою жизнь (1936–1996) рекордные 3 тыс. профессиональных призов. Фотографов, собственно говоря, и создавших канонический образ свингующего Лондона.

Даффи острит: «До 1960 года фэшн-фотографы были высокими, худыми педиками. Но мы трое совсем другие — жирные коротышки натуралы». «Черная троица» действительно радикально отличалась от своих предшественников. Не потому, что снимала звезд своего поколения. В конце концов, Твигги и Мика Джаггера снимал и старик Сесил Битон, а обложку для битловского диска «Please Please Me» делал родившийся, как и Битон, в 1904 году Ангус Макбин. Нет, секрет троицы был в том, что они первыми среди фотографов завоевали такой же звездный статус, как их модели.

А в определенных ситуациях оказывались даже главнее, чем модели. Так, Уайтейкер в 1966 году спровоцировал скандал вокруг обложки диска The Beatles «Yesterday and Today». На знаменитой «мясной» фотосессии он нарядил, как говорят, изрядно подкуренных музыкантов в мясницкие фартуки. Вставил им стеклянные глаза и вампирские клыки. Вложил в руки расчлененные куклы, вдохновляясь работами 1930-х годов сюрреалиста Ганса Бельмера. На самом невинном из снимков этого цикла Джордж Харрисон заколачивал гвозди в голову Леннона. Обложка была признана нетоварной, тираж уничтожен, теперь уцелевшие экземпляры стоят диких денег. Уайтейкер с группой расстался, заметив, что единственный, с кем из четверки он дружил, был Леннон. Поскольку Леннон «был не битлом, а писателем, поэтом и художником, с которым можно было разговаривать». И такое аристократическое высокомерие по отношению к мировым звездам в сочетании с «мясным» абсурдистским хулиганством тоже было возможно лишь в свингующем Лондоне.

Лондон, National Portrait Gallery,
до 24 января